

ЭТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

К.Е. Троицкий

Зигмунт Бауман: от критики универсализма к безграничной моральной ответственности

Константин Евгеньевич Троицкий – кандидат философских наук, научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: konstantin.e.troitskiy@gmail.com

Зигмунт Бауман – знаковая фигура в социологии. Но едва ли не наиболее важная часть его трудов посвящена осмыслению вопросов морали. Основная мысль Баумана о морали заключалась в утверждении невозможности редуцирования морального поступка к чему-то вне морали, включая этику, понимаемую как универсальный кодекс нормативных правил или свод знаний о морали. Этика при таком подходе оценивается как то, что ограничивает неограниченное, рационализирует нерационализируемое. Этика теснейшим образом связана с общественными институтами, где выполняется схожая функция, но направленная уже не на теоретическое руководство, а на практическое действие. Это не означает, что Бауман отвергает этику и общество, наоборот, он признает их важнейшее значение как того, что способно как создать условия для морального поступка, так и исклечить его. То, что делает Бауман в своих работах, – это отстаивание первичности морали перед познанием, обществом и онтологией. Критика универсализма и связана у Баумана с защитой идеи автономии морали перед склонным к тоталитаризму обществом модерна. В то же время он формулирует черты универсальной морали, также называя ее солидарностью и отстаивая ее необходимость перед опасностями и соблазнами «текучей» версии модерна. Бауман призывает не просто отбросить ксенофобию и согласиться жить с Другим, а выстраивать свою жизнь в ответственности за Другого или бытии для Другого. Осмысление положения мигранта и беженца в современном мире и призыв к ответственности за них тесно связывают мысль Баумана с повседневной жизнью и насущными темами современности.

Ключевые слова: Зигмунт Бауман, этика, мораль, универсализм, универсальная мораль, глобализация, ответственность за Другого, беженцы

Зигмунт Бауман и вопросы этики

Цель статьи – представить Зигмунта Баумана как философа-этика. Это актуальная и одновременно сложная задача не только для исследований о Баумане в России, но и для англоязычной литературы, так как Баумана и его взгляды на мораль рассматривают преимущественно в свете его образа как социолога. Подход, используемый в статье, предполагает попытку «вжиться» в сочинения Баумана, предложить изложение его идей о морали, попытаться самостоятельно их осмыслить с приглашением к этому читателя. У автора статьи отсутствовала задача по оценке наследия Баумана в контексте истории этики, а также в рамках критического рассмотрения его работ другими исследователями, так как попытка выполнения этих задач требует отдельной работы. Кроме того, по убеждению автора, сначала следует попытаться целостно и систематически осмыслить идеи Баумана в их развитии и многообразии, а не рассматривать их сразу в критическом контексте. Попытаться понять Баумана не то же самое, что понять место и значение его фигуры для этической мысли. Идеи Баумана о морали и этике до сих пор едва ли осмыслены в их целостности, а в отсутствии этого приступить к оценке их значения и места в истории этики, по мнению автора, представляется преждевременным. Особенно это актуально для России в условиях дефицита как переводов работ Баумана, так и серьезных исследований о нем как философа-этике. Кроме того, примененный в статье подход соответствует философованию Баумана, состоящему не в фиксации и категоризации, а в неустанном развитии идей и пытливом вопрошании.

С конца 1980-х гг. размышление о вопросах морали и этики становится неизменным атрибутом работ Баумана. Его стиль и подход не предполагали попытку дать окончательные ответы на бесконечные вопросы. В статьях, книгах и интервью Баумана очень редко можно отыскать что-то похожее на нравственный императив, правило или формулу. Его творческое наследие – это неустанное размышление об условиях, в которых оказался человек на границе тысячелетий, и о том, есть ли у морали и этики шанс в наступившей эпохе. По словам Баумана, которые можно отнести ко всем его поздним сочинениям, «читатель должен быть предупрежден, что в конце исследования не появится никакой этический код, также этический код не может быть усмотрен в свете того, что будет обнаружено в ходе исследования»¹.

В стиле работ Баумана нашло отражение его понимание морали, которое характеризовалось критикой утверждения и даже просто стремления найти неморальное основание морали, будь оно выводимо из онтологических, гносеологических, идеологических или каких-либо иных предпосылок. Как часто повторял Бауман, постановка вопроса об основаниях морали подразумевает попытку найти оправдание морали, что обозначает стремление подчинить мораль неморальным основаниям. Тем самым отвергается автономность морального субъекта, а вместо нее навязывается подчинение внешним по отношению к морали основаниям. Это часто ведет к имморализму, в то время как

¹ *Bauman Z. Postmodern Ethics. Malden, Oxford, Victoria, 1993. P. 15.*

автономия морального действия «окончательна и не может быть урезана: она избегает любых кодификаций, также как не служит каким-либо целям вне себя и не входит ни в какие взаимоотношения с чем-либо вне себя»². Иными словами, мораль не имеет оснований вне себя, с помощью которых можно было раз и навсегда обосновать, что «лучше заботиться, чем умыть руки, лучше быть солидарным с несчастьем другого, чем безразличным»³. Это убеждение нашло свое отражение в критике Бауманом универсализма и универсальности в этике, которую, тем не менее, нельзя путать с их полным отвержением, так как речь идет о переосмыслении, а не об отрицании.

Если с помощью одного словосочетания передать то, через что мораль находит себя в жизни, то, согласно Бауману, этим словосочетанием будет «ответственность за Другого», которую он называет «исходным пунктом морали»⁴. При этом требуется обязательное добавление, что имеется в виду именно «ответственность за», а не «ответственность перед» или «ответственность для». Бауман считает, что ни он, ни какой-либо другой мыслитель не может предложить окончательные рецепты, следуя которым человек обязательно станет моральным. Наоборот, они могут увести человека от морали и ввергнуть его в область псевдоморальных, аморальных или откровенно имморальных социальных практик. Но тогда возникает вопрос, попытка прояснить который прослеживается во многих работах Баумана: «Достаточно ли крепка, мощна, сильна моральная способность, сделанная мерой ответственности за Другого как Лица, чтобы справиться с совершенно отличной задачей ответственности за “Другого как такового”, Другого без Лица?»⁵ или «Может ли этика, рожденная и возвращенная внутри моральной связи (moral party), состоящей из двух человек, быть пересажена в воображаемое человеческое сообщество и далее в воображаемое глобальное человеческое?»⁶. Два полюса возможного ответа здесь представляют утверждения универсальности морали и личной моральной ответственности. Несмотря на кажущуюся несовместимость, они лишь на первый взгляд исключают друг друга, так как, только имея в виду и ориентируясь в своих поступках на оба полюса, человек и может поступать морально.

Универсализм

Бауман определяет универсализм как стратегию, которая «ставит своей целью заменить разнообразие однообразием и отсюда расправиться либо с самой множественностью, либо с ее актуальностью и “досадным влиянием”»⁷. Следование этой стратегии предполагает посылку, что есть некие «сильные

² *Bauman Z.* The Social Manipulation of Morality: Moralizing Actors, Adiaphorizing Action // *Theory, Culture & Society*. 1991. Vol. 8. P. 143.

³ *Bauman Z.* Special Essay. Am I My Brother's Keeper? // *European Journal of Social Work*. 2000. Vol. 3. No. 1. P. 11.

⁴ *Bauman Z.* *Mortality, Immortality and Other Life Strategies*. Cambridge, 1992. P. 209.

⁵ *Bauman Z.* *Postmodernity and its Discontents*. Cambridge, 1997. P. 48.

⁶ *Bauman Z.* *Does Ethics Have a Chance in the World of Consumers?* Cambridge, 2009. P. 44.

⁷ *Bauman Z.* On Universal Morality and the Morality of Universalism // *European Journal of Development Research*. 1998. Vol. 10. No. 2. P. 8.

основания», которые делают универсальные правила окончательными и не подлежащими опровержению, проводящими также четкую и однозначную границу между истинными правилами и псевдоправилами. Бауман выделяет два подхода в философии к определению природы этих «сильных оснований», а именно: обнаружение (*discovery*) и изобретение (*invention*). При первом подходе предполагается, что «сильные основания» внеположны человеку (божественный порядок, естественное право, сущность человека), а перед философской, в том числе этической, мыслью стоит задача их выявления и описания. Второй подход строится на посылке, что «сильные основания» создаются и моделируются человеком, а благодаря их собственной убедительности либо каким-то внешним, например политическим, силам делают маловероятным отказ им следовать. Первый подход Бауман называет универсальностью, а второй подход – универсализацией⁸.

Если премодерну свойственен первый подход, то философской мысли эпохи модерна, основывающейся на вере в «рациональный закон», согласно Бауману, присущ второй подход. Разумное уравнивалось с моральным, а основой нравственного поведения считалась рациональная деятельность. Универсальность становится не исходной точкой, а пунктом назначения: Бауман пишет, что «даже там, где “естественный закон” привлекался в качестве высшего авторитета, всегда именно “рациональный закон” определял, как применять его на практике»⁹. Также отличительная черта модерна – приверженность основных философских течений идее универсализации и взгляду на историю как на единый поступательный процесс развития однообразия и упразднения разнообразия. В этической мысли универсализм означает признание в качестве нравственных «только таких правил, которые прошли тест на универсальность, экстерриториальность и экстерриториальность принципов»¹⁰.

Итак, в своих работах Бауман выделяет несколько взаимосвязанных понятий, имеющих общий корень. Так, в эпоху модерна универсализм – идеология, универсальность – цель, а универсализация – метод обращения или способ достижения универсальности. Между всеми тремя понятиями в эпоху модерна существовала теснейшая связь, а ослабление и вытеснение идеи универсальности связано не столько с логическими недостатками этических теорий, сколько со слабеющим «прозелитическим духом» эпохи модерна и изменениями в «глобальной расстановке сил».

Бауман во многих работах касается истории концепта универсализма. Так, в книге «Глобализация. Последствия для человека»¹¹ он прослеживает зарождение идеи универсализма в эпоху премодерна, расцвета – в эпоху модерна и кризиса – в постмодерне¹². Бауман показывает, как движение универсализации вело к нивелированию различий, неизвестности, незавершенности, без

⁸ См.: *Bauman Z. On Universal Morality and the Morality of Universalism // European Journal of Development Research. 1998. Vol. 10. No. 2. P. 9.*

⁹ *Ibid. P. 10.*

¹⁰ *Bauman Z. Postmodern Ethics. P. 39.*

¹¹ См.: *Bauman Z. Globalization. The Human Consequences. Cambridge, 1998.*

¹² С начала 2000-х Бауман предпочитает вместо слова «постмодерн» использовать «жидкий или текущий модерн».

которых невозможна ответственность и мораль. Универсализм (universalism) предполагает стремление к единообразию (uniformity), в котором только и возможно помыслить порядок и закон в их чистой форме. Приверженность универсализму часто находило свое прямое выражение в нетерпимости к иному, непонятному, неподдающемуся объяснению и контролю. В конечном счете это выражалось в раздражении от фигуры Другого и распространенности практик, направленных на его ассимиляцию или исключение.

Утверждение возможности выработки всеобщих и окончательно истинных нравственных кодексов фактически упраздняет личную ответственность за поступок. От человека требуется просто послушное следование правилам. Бауман постоянно указывает на огромную опасность исключения «морального субъекта»¹³ в пользу того, кого он называет «актером»¹⁴, и упразднения личной, незаменимой и несравнимой ответственности за Другого. Как пишет Бауман в книге «Современность и Холокост»: «внезапно выяснилось, что наиболее ужасающее зло в человеческой истории произошло не от разрушения порядка, но от безупречного, безошибочного и непререкаемого правила, заданного порядком. Это была работа не неустойчивой и неконтролируемой толпы, а людей в униформе, послушных и дисциплинированных, следующих правилам и радеющих о духе и букве полученных инструкций»¹⁵. Ужасными примерами стремления установить универсализм в эпоху модерна стали тоталитарные режимы XX в., в которых на всех институциональных уровнях была сделана попытка заменить морального субъекта социальным «актером».

И не то чтобы идея универсальности изначально порочна, скорее, как считает Бауман, находится все больше свидетельств того, что, не будучи действительно универсальной, цивилизация модерна «не годится для универсального применения и *необходимое* условие ее нахождения на плаву в одних местах – разорение и обеднение в других»¹⁶. Одна из основных проблем универсализма, таким образом, в том, что идея универсальности разворачивалась через оппозицию, исключение, а порой и прямое насильственное подавление партикулярности, уникальности, своеобразия, что указывало на ограниченность того, что претендовало на неограниченность. Как пишет Бауман: «общества модерна практикуют моральную местничковость (parochialism) под маской продвижения универсальной этики»¹⁷. Кризис универсализма оказался тесно связанным с движением коммунитаризма, где идеалом стала закрытая, культурно гомогенная, самоуправляемая община.

¹³ Бауман использует различные термины для обозначения носителя морального поступания. Обычно это словосочетание «moral self», но иногда в качестве синонима использует и «moral subject» (см., например: *Bauman Z. Postmodern Ethics*. P. 54, 66, 67; *Bauman Z., Chouliaraki L., Horvat K.V. On the future of the moral subject: A dialogue between Zygmunt Bauman and Lilie Chouliaraki // Anthropological Notebooks*. 2017. Vol. 23. No. 1. P. 131–132). В приводимых в статье переводах словосочетание «moral self» передается выражением «моральный субъект».

¹⁴ См.: *Bauman Z. Modernity and the Holocaust*. Cambridge, 1989. P. 162–164.

¹⁵ *Ibid.* P. 152.

¹⁶ *Bauman Z. Morality without Ethics // Theory, Culture & Society*. 1994. Vol. 11. P. 19.

¹⁷ *Bauman Z. Postmodern Ethics*. P. 14.

При этом коммунитаризм, согласно Бауману, не может считаться моральной альтернативой универсализму; наоборот, они тесно друг с другом связаны. Бауман не видит выхода из кризиса модерна в попытке создания гомогенных сообществ-коммун и неоднократно критиковал подобные устремления¹⁸. В конечном счете он отмечает общие черты в идеях сторонников как универсализма-универсальности, так и коммунитаризма-партикулярности, которые оказываются в равной степени чуждыми безграничной моральной ответственности за Другого и истинной универсальности. Так, Бауман пишет, что любая версия «групповой универсальной морали по умолчанию предполагает (совпадает ли эта группа с человеческим видом в целом, или с национальным государством, или с постулированным сообществом), что моральное поведение можно выразить в правилах, которым может быть придана универсальная форма»¹⁹. Иными словами, продолжает Бауман, такие позиции подразумевают, что «моральные субъекты могут быть растворены во всеохватывающем “мы”, где моральное “Я” – только единственная форма для этического “мы”, и внутри этого этического “мы” “Я” взаимозаменяем с “он/она”. Таким образом, все то, что было бы моральным, когда утверждается в первом лице, остается моральным, когда утверждается во втором и третьем»²⁰. Основные причины желания укрыться за этим «мы», как в идеологии универсализма, так и в коммунитаризма, кроются, согласно Бауману, в неисчерпаемой и тревожащей неясности, охватывающей амбивалентность поступка, тяжести личной моральной ответственности и сложности выбора.

Универсальная мораль

Если универсализм в эпоху модерна представляет собой попытку устранить неопределенность жизни через унификацию и облегчить тяжесть ответственности через подчинение всеобщим обезличенным правилам, то другая жизненная стратегия, согласно Бауману, предполагает, что многообразие неустранимо и «для того, чтобы человеческое сосуществование было возможным, необходимо заложить правила для обсуждения спорных вопросов и согласия не соглашаться, избегая в то же время тяжелых последствий несогласия»²¹. Но это не «дискурсивная этика» Юргена Хабермаса, от которой Бауман дистанцируется, видя в ней некоторые черты критикуемой им версии универсализма. В отличие от Хабермаса для Баумана «горизонт обсуждения не в консенсусе, который бы положил конец плюрализму, побуждающему в первую очередь к моральному вовлечению, но в укреплении плюрализма человеческих образов жизни, а также в сохранении и воспроизводстве условий для диалога и морали»²². Именно отсутствие и даже желательность отсутствия

¹⁸ Наиболее детальную критику коммунитаризма у Баумана см.: *Bauman Z. Community. Seeking Safety in an Insecure World. Cambridge, 2001.*

¹⁹ *Bauman Z. Postmodern Ethics. P. 47.*

²⁰ *Ibid.*

²¹ *Bauman Z. On Universal Morality and the Morality of Universalism. P. 8.*

²² *Ibid. 18.*

окончательного общественного согласия отличает позицию Баумана от «дискурсивной этики» и объясняет, в частности, следующее его утверждение: «Голос индивидуальной моральной совести лучше всего слышан в шуме политического и социального несогласия»²³.

Важной для осмысливаемой Бауманом связи между обществом модерна и универсализмом является вопрос различения между понятиями «этика» и «мораль». При чтении некоторых работ Баумана начала и середины 1990-х гг. может создаться впечатление противопоставления «этики» и «морали»²⁴. У тех, кто пытается упростить идеи Баумана, может выстроиться формула, где общество, универсализм и этика противопоставляются индивидуализму, моральному персонализму и морали. При таком подходе утверждается, что понятия первой триады подвергаются со стороны Баумана критике, а вторая триада предстает в качестве его «позитивной» программы. Но эта схема неверна, так как мысль Баумана глубже и тоньше.

В статье «Этика индивидуумов»²⁵, опубликованной в 2000 г., Бауман развивает несколько иной угол рассмотрения связи между этикой и моралью, чем это было, например, в книге «Постмодерновая этика»²⁶ или статье «Мораль без этики»²⁷. Бауман начинает с того, что жизнь человека в самой своей сути предполагает бытие с другими и отмечает неизбежное влияние каждого поступка или воздержание от него на судьбы других. Таким образом, утверждает Бауман, обстоятельства жизни уже до всякого выбора делают людей «этическими существами», ответственными друг за друга. Но если «этические» условия заданы, то взять или не взять ответственность за Другого зависит исключительно от личного выбора каждого отдельного человека. Как пишет Бауман: «только беря ответственность, субъект (self) обращается в морального субъекта; только тогда к жизни вызывается моральный субъект. И можно быть уверенным – к жизни ненадежной. Моральный субъект рождается, когда *Mitsein* (бытие с – К.Т.) возвышается до уровня *Fürsein* (бытия для – К.Т.)»²⁸. Принятие ответственности за Другого становится «актом рождения морали»,

²³ Bauman Z. *Modernity and the Holocaust*. Cambridge, 1989. P. 167.

²⁴ Нельзя переоценивать противопоставление между понятиями «этики» и «морали» даже в работах Баумана 1990-х гг. Скорее следует говорить о противопоставлении «идеального типа» этики эпохи модерна и вневременной морали. При этом Бауманом допускаются иные формы этики, а также взгляд на этику как синоним морали. Например, в книге «Постмодерновая этика» Бауман неоднократно предлагает и использует термин «этика» в качестве синонима «морали», а также как то, что не стремится и не сводится к этическому коду, где в центре находится ответственность за Другого. Даже в статье «Мораль без этики» разграничение между «этикой» и «моралью» не столь уж радикальное, иначе было бы невозможным объяснить, например, такое замечание Баумана: «Этика и мораль (если мы продолжаем настаивать на их разделении) вырастают из одной и той же почвы: моральные субъекты не “открывают” свои этические основания, но <...> выстраивают их одновременно с выстраиванием самих себя» (Bauman Z. *Morality without Ethics // Theory, Culture & Society*. 1994. Vol. 11. P. 9).

²⁵ См.: Bauman Z. *Ethics of Individuals // The Canadian Journal of Sociology*. 2000. Vol. 25. No. 1. P. 83–96.

²⁶ См.: Bauman Z. *Postmodern Ethics*.

²⁷ См.: Bauman Z. *Morality without Ethics*. P. 1–34.

²⁸ Bauman Z. *Ethics of Individuals*. P. 84.

однако, как специально оговаривает Бауман, это не ограниченное событие. Речь идет о том, что мораль «должна постоянно заново рождаться в ходе последующих человеческих встреч»²⁹, а «однажды рожденная – ее выживание никогда не гарантировано»³⁰. Это рассуждение выводит Баумана к оценке роли общества в его связи с моралью. Эта связь ни в коем случае не представляет из себя причину и следствие. Подобный взгляд возможен из исторической, онтологической или гносеологической, не оставляющей место морали перспективы. Но это и не означает того, что общество не имеет никакого отношения к морали. Общество, а вместе с ним и этика заданы условиями бытия человека. А само общество, как пишет Бауман, «может быть теплицей морали или бесплодной землей, в которой только изумительно сильные моральные субъекты смогут пустить корни»³¹. Таким образом, Бауман пытается не отбросить этику во имя морали, он пытается отстоять автономного морального субъекта в качестве центра морали, подчеркивая необходимую, но подчиненную морали роль общества.

В мысли Баумана личная, неделегируемая, несравнимая, некалькулируемая, не ищущая взаимности ответственность за Другого – суть морали, а свобода выбора – необходимое условие. Как он пишет: «выбор (непредзаданный выбор, сделанный в ситуации неясности) – место рождения моральной личности и родина морали»³². В этой ситуации остается возможность для морального, аморального или имморального выбора. Тоталитарные режимы XX в. в погоне за возведением порядка, в котором был бы возможен только тот выбор, который их лидерами и активистами рассматривался в качестве морального, продемонстрировали небывалое торжество аморализма и имморализма, а также то, что могут быть созданы такие практики, когда человек из-за торжества насилия и ограничения свободы почти лишается возможности быть моральным.

Это дополнительно проясняет мысль Баумана о *моральной* универсальности, которая понимается им не в смысле набора этических правил или как способность через процедуру универсализации установить моральность поступка, а как условие толерантности, плюрализма, возможности несогласия и свободы выбора. Как пишет Бауман: «одно универсалистское предписание неизбежно присутствует в плюралистической стратегии – постулат об универсальности прав человека, понимаемых как право быть и оставаться разными»³³. Более того, Бауман называет эту стратегию своего рода универсализмом и отличает его от безразличия и снятия с себя ответственности за других, добавляя, что «универсальное право быть разными не имеет моральной ценности до тех пор, пока это не результат свободы; это значит до тех пор, пока люди не действительно свободны как в негативном, так и позитивном смысле, так что у них есть средства, позволяющие им выбирать, что они на самом деле хотят

²⁹ Bauman Z. Ethics of Individuals. P. 84.

³⁰ Ibid.

³¹ Ibid.

³² Bauman Z. On Universal Morality and the Morality of Universalism. P. 17.

³³ Ibid.

выбрать и что способно поддержать их выбор»³⁴. Иными словами, чтобы у человека была возможность морального выбора, необходима свобода, но из этой свободы не выводится моральное содержание, доступное только в результате принятия ответственности за Другого.

Моральная ответственность за Другого

Один из главных и раздражающих вызовов эпохи позднего модерна – состояние всеохватывающей неопределенности. При этом такое состояние, согласно Бауману, – «домашняя земля для морального человека и единственная почва, в которой мораль может дать ростки и расцвести»³⁵. Если плюрализм, свобода и неопределенность – негативные условия морали, в том смысле, что необходимые, но не составляющие суть морали, то позитивное и сущностное условие морали – ответственность за Другого или, как пишет Бауман, «высшее и незаменимое условие морали человеческих отношений»³⁶. Иными словами, если какой-то внешний критерий и может отличить моральное действие от индифферентного и аморального, то это отношение к Другому. Ответственность за Другого (Other) в том числе Незнакомца (Stranger) и Чужого (Alien)³⁷ располагается в центре этической мысли Баумана, так как именно недоговорная, односторонняя, безусловная ответственность за Другого или бытие для Другого и составляют суть морали. Но это непростая задача, так как аморальные социальные условия и практики, бесчеловечные идеологии, соблазны мира часто склоняют человека к тому, чтобы не замечать, а порой и к тому, чтобы избавиться от Другого.

В отношении устремлений идеологов и философов модерна Другой (в значении «Stranger»), будучи носителем неизвестности, по мнению Баумана, это когнитивный и политический вызов. И этот вызов идеологи и практики модерна порой пытались аморально, а иногда и откровенно бесчеловечно решить через ассимиляцию или исключение Другого. В книге «Постмодерновая этика» Бауман проводит различие между когнитивным, эстетическим и моральным пространством и, развивая идеи Клода Леви-Стросса, выделяет две основные стратегии, направленные на устранение вызова Другого, присущие когнитивному пространству: антропофагия и антропоемия. Первая стратегия – инклюзивная, направленная на ассимиляцию Другого и обращение его в «своего», в фигуру Соседа. Вторая стратегия – эксклюзивная и заключается в отторжении, исключении Другого, дегуманизации и превращении в Чужака

³⁴ Bauman Z. On Universal Morality and the Morality of Universalism. P. 17.

³⁵ Ibid. P. 63.

³⁶ Bauman Z. Globalization. The Human Consequences. P. 46.

³⁷ При описании «Другого» Бауман часто использует слово «the Stranger», которому нет однозначного эквивалента в русском языке. Оно обычно переводится как «Другой», «Посторонний» или «Чужой», но ситуацию запутывает то, что Бауман также использует слово «the Other», которое наиболее близко соответствует слову «Другой», а также, хотя и значительно реже, слово «the Alien», соответствующее русскому слову «Чужой» или «Чужак». Впрочем, Бауман далеко не всегда проводит смысловое различие между указанными словами.

и Врага. Эти стратегии, согласно Бауману, не отрицают, а дополняют друг друга, а необходимым моментом для этих двух стратегий становится категоризация, типологизация и унификация Другого.

В эстетическом пространстве, которое господствует в эпоху позднего модерна и времени консюмеризма, исчезает стремление устранить Другого, наоборот, различие и разность начинают превозноситься в качестве ценности. Как пишет Бауман, если «протеофобия (страх изменения – К.Т.) – движущая сила когнитивного пространства, то протеофилия (любовь к изменению) – побуждающая сила эстетического»³⁸. Но Другой обычно не становится объектом заботы, выступает не целью, а средством, используется для получения наслаждения и развлечения. Как только Другой становится в тягость, в эстетическом пространстве не находится оснований, для чего его терпеть дальше, так как на самом деле в центре находится не Другой, а Я сам.

Только в моральном пространстве Другой не используется для получения наслаждения и не предстает чуждым и раздражающим объектом, который пытаются обратить в «своего» или исключить. Другой перестает быть тем, с кем живут, и становится тем, для кого живут. Это и есть перемена ответственности перед Другим (начальством, авторитетом, лидером) и перед собой (своим удовольствием, успехом, благополучием) ответственностью за Другого. И, как неоднократно отмечает Бауман, эта ответственность, составляющая суть морали, не знает границ³⁹. Она включает не только близких и соседей, но и всех страдающих людей, всех тех «бедных и несчастных мужчин и женщин всех возрастов, живущих (или умирающих) вдали от наших домов и от улиц, по которым мы ходим»⁴⁰.

Но человек живет в мире, разделенном границами и наполненном условиями. На улице он встречает и тут же забывает множество незнакомых людей. Часто расстояние до тех, кому нужна помощь, велико, не говоря уже о возможном дефиците средств и возможностей помочь. В одной из статей Бауман рассматривает делаемое многими исследователями этики качественное различие между «преступником» (perpetrator) и «наблюдателем» (bystanders). Но вместо того чтобы обосновывать разницу, он находит важную точку совпадения, которую вслед за социологом Стэнли Коуэном видит в отказе (denial) от моральной ответственности за страдание Другого. В случае с «наблюдателем» Бауман подвергает критике стратегии оправдания, основывающиеся на недостаточном знании и утверждении неспособности изменить ситуацию. Бауман обосновывает идею безграничной ответственности и моральной вины. Он сближает позиции Левинаса и Ясперса, считая, что как у Левинаса с его идеями безусловной ответственности за Другого и нравственной вины, так и у Ясперса с идеей метафизической вины «в обоих случаях термины передают существенную разницу между сферой, населенной субъектами права и универсумом морального субъекта»⁴¹.

³⁸ Bauman Z. Postmodern Ethics. P. 168.

³⁹ См., например: Bauman Z. Does Ethics Have a Chance in the World of Consumers? P. 42.

⁴⁰ Bauman Z. From Bystander to Actor // Journal of Human Rights. 2003. Vol. 10. No. 2. P. 144.

⁴¹ Ibid. P. 137–151.

Моральная ответственность безгранична не только потому, что она не определяется претендующими на окончательную редакцию этическими кодексами, не только потому, что лежит в иной области, чем практики установления границ между «своими» и «чужими», но и потому, что Другой и представляет собой универсальность, но не в определенности этического кода, а в своей уязвимости и бездомности. Как пишет Бауман, «Другой (stranger) – архетип универсальности: невесомый, бессодержательный, невыразимый до тех пор, пока он не наполняется содержанием других людей. Он нигде не находится на своем “естественном” месте: он – сама противоположность конкретному, специфическому, окончательному. Другой – универсален, потому что у него нет дома и корней»⁴². Иными словами, Другой самым своим бездомным Бытием⁴³ ставит под вопрос существующие границы, понятия дома, родины, культурной идентичности. Часто ответом на бытие Другого становится его неприятие или использование его в своих целях. Оба этих ответа не могут быть признаны моральными. Именно в заботе и ответственности за Другого, за того, кто скитается, бежит и страдает от войн, преследований, нищеты, и проявляет себя в своей полной силе мораль.

Мораль без границ и беженцы

Интерес к миграции в целом, беженству и изгнанию прослеживается в работах Баумана начиная с 1980-х гг. вплоть до его последних исследований. Последней книгой Баумана, изданной при его жизни, стал сборник эссе «Другие у наших дверей» – работа, полностью посвященная миграции и в первую очередь беженцам⁴⁴. В шести эссе, написанных под впечатлением от событий, сопровождающих массовое прибытие беженцев в Европу в 2015 г., Бауман анализирует фундаментальные причины ксенофобских и националистических настроений, критически рассматривает то, что получило название «секьюритизации» (securitization) общества, задается вопросом растущего влияния евроскептиков и популистов, говорит о моральной недопустимости проведения границ между легальными «мы» и нелегальными «они», утверждает неизбежность моральной неопределенности и отстаивает диалог в качестве единственного пути к мирному сосуществованию.

Для Баумана беженец или трудовой мигрант, часто оказывающийся в состоянии «не на месте везде, исключая места, которые сами не на месте»⁴⁵, вне зависимости от миграционного статуса и правового положения, это и есть Другой. Туризм, трудовая миграция и особенно беженство несут в себе знаковые элементы современности для Баумана. Они ставят под вопрос существующие границы, воплощают состояние экзистенциальной неуверенности, обнаруживают

⁴² *Bauman Z. Strangers: The Social Construction of Universality and Particularity // Telos. 1988. No. 78. P. 32.*

⁴³ Бауман пишет: «Суть инаковости (strangeness) – бездомность» (*Bauman Z. Strangers: The Social Construction of Universality and Particularity. P. 21*).

⁴⁴ *Bauman Z. Strangers at Our Door. Cambridge, 2016.*

⁴⁵ *Bauman Z. Does Ethics Have a Chance in the World of Consumers? P. 39.*

неустойчивость права и порядка, основывающихся на уходящей в прошлой идеи суверенного национального государства. Несмотря на то что массовая трудовая миграция и беженство – результаты, а не причины глобализации, фигура мигранта нередко становится объектом шельмования со стороны националистических групп, манипулирующих страхами, неуверенностью и зыбкостью положения в современном глобальном мире. Именно поэтому для Баумана трудовой мигрант и беженец (нередко их к тому же невозможно отличить друг от друга) – важнейшие олицетворения Другого, за которого должно нести неограниченную моральную ответственность.

Неудивительно, что фигура трудового мигранта и беженца оказывается связанной у Баумана с переосмыслением понятия универсальности, когда вместо универсализма границ, разделения и подавления предлагаются штрихи к созданию новой, а главное, моральной перспективы. Интерпретируя идеи философа-беженца Льва Шестова, Бауман пишет: «Универсальность истины и суждения, рожденная в заключении, есть не что иное, как прикрытие для такого принуждения, что питается из жажды господства и страха перед открытым пространством. Неподдельная универсальность может быть рожденной только из бездомности»⁴⁶. Последние двадцать лет своей жизни Бауман не уставал повторять, что «эффективный ответ глобализации может быть только глобальным»⁴⁷, и предостерегал от опасностей распространяющейся практики искать «локальные решения возникающих на глобальном уровне проблем»⁴⁸.

В книге «Другие у наших дверей», размышляя над конкретными событиями, Бауман ставит вопрос, звучавший неоднократно в его работах и ранее: «Как жить вместе и жить *мирно* на *заполненной* планете?»⁴⁹ Ответ на него, как показывает Бауман, напрямую зависит от отношения к вынужденным мигрантам и относится «к области *прав и обязанностей* (то есть с тем, с чем соотносит себя *мораль*, что ее заботит и что она стремится привести в систему), а не к области “*фактов жизни*”, территории, которой стремится управлять и администрировать *политика*»⁵⁰. Вспоминая работу Канта «К вечному миру» и идею Левинаса о приоритете этики над онтологией, Бауман на примере текущих событий отмечает главную опасность для морали, которой была посвящена написанная незадолго до этого и совместная с Леонидасом Донским книга⁵¹. Бауман по-разному называет эту опасность, например, «адиафоризация», «моральное безразличие», «моральная слепота», но суть ее в том, что какая-то «область человеческих взаимоотношений и взаимодействий изымается из моральной оценки»⁵². Иными словами, происходит ограничение области моральной ответственности и закрепление деления на «мы» и «они», что сопровождается

⁴⁶ Bauman Z. Strangers: The Social Construction of Universality and Particularity. P. 23–24.

⁴⁷ Bauman Z. Does Ethics Have a Chance in the World of Consumers? P. 76.

⁴⁸ Bauman Z. This is not a Diary. Cambridge, 2012. P. 24.

⁴⁹ Bauman Z. Strangers at Our Door. P. 73.

⁵⁰ Ibid. P. 76.

⁵¹ См.: Bauman Z., Donskis L. Moral Blindness. The Loss of Sensitivity in Liquid Modernity. Cambridge, 2013.

⁵² Bauman Z. Strangers at Our Door. P. 79.

порой даже более сильной «морализацией» обязательств по отношению к тем, кто обозначается как «мы», притом что моральные обязательства сильно уменьшаются или полностью исключаются по отношению к тем, кто обозначается как «они».

Более того, как отмечает Бауман, к морали апеллируют, чтобы попытаться продемонстрировать превосходство, более высокую нравственность тех, кто обозначается как «мы», над теми, кого называют «они». Как пишет Бауман «каждая сторона на линии фронта страстно будет отвергать все подозрения в моральном безразличии, моральной слепоте или имморальной позиции; и каждая будет очень сильно стремиться вывести “они” как отличных от “мы” со всеми сопровождающими это извращениями»⁵³. Бауман понимает, что абсолютная и неограниченная ответственность за Другого едва ли достижима на практике, за исключением жизни истинных святых. Из-за этой ограниченности и вступают в свою силу общество и его институты, которые «сокращают (cut) абсолютную ответственность к способностям обычных (“средних”) человеческих созданий и их реальным возможностям»⁵⁴. Но это, как подчеркивает Бауман, не должно вести к «моральной слепоте» и, что главное, к установлению неких непроницаемых для морали границ между теми, на кого ответственность распространяется и на кого – нет. Он пишет: «Что полностью и безусловно чуждо качеству “быть моральным” и что активно препятствует ему – стремление остановиться и отказать в моральной ответственности за других на границе, прочерченной между “мы” и “они”»⁵⁵. Такое стремление, как отмечает Бауман, сопровождается различными дегуманизирующими, обезличивающими и очерняющими других людей практиками. Приводя примеры некоторых политиков-популистов, он указывает на фобии, которые они активно воспроизводили, стремясь с помощью манипуляций внедрить в сознание их слушателей образ мигранта как разносчика болезней, последователя террористических групп, радикальных религиозных фанатиков. Это попытки распространить аморальный (или имморальный) взгляд на людей – безответственный, бесчеловечный и опасный.

Бауман призывает к новом формату и к радикальной перестройке существующей международной системы. Он говорит о необходимости планетарной ответственности, которая начинается с «признания факта, что все мы, кто делит друг с другом планету, зависим друг от друга в нашем настоящем и в нашем будущем, что ничего из того, что мы делаем или не делаем, не может считаться чем-то неважным для судьбы любого другого, и что никто из нас не может более искать и найти личное убежище от штормов, которые возникают во всех частях земного шара»⁵⁶. Но, как писал Бауман, универсальная толерантность в рамках прав человека – необходимое, но недостаточное условие для установления моральных отношений охватывающих всех людей; нужна

⁵³ *Bauman Z. Strangers at Our Door. P. 81.*

⁵⁴ *Ibid. P. 82.*

⁵⁵ *Ibid. P. 83.*

⁵⁶ *Bauman Z. Does Ethics Have a Chance in the World of Consumers? P. 29. См. также: Bauman Z. Migration and Identities // Philosophy and Social Criticism. 2011. Vol. 37. No. 4. P. 435.*

«трансформация толерантности в солидарность, что значит – признание несчастья и страдания других людей как своей личной ответственности, а смягчение и по возможности спасение их от несчастья в качестве своей собственной задачи»⁵⁷. В конечном счете способность увидеть Лицо у каждого человека вне зависимости от его национальной принадлежности, религиозных убеждений, прошлой истории и миграционного статуса, а также взять на себя обязанность заботы и ответственность за этого человека, как и всех других, в этом и заключается то, что объединяет личную моральную ответственность и универсальность морали.

Zygmunt Bauman: from the Criticism of Universalism to the Unlimited Moral Responsibility

Konstantin E. Troitskiy

RAS Institute of Philosophy, 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: konstantin.e.troitskiy@gmail.com

Zygmunt Bauman is an iconic figure in sociology. But perhaps the most important part of Bauman's work is his reflections on ethical issues and morality. Bauman's main idea on morality is the impossibility to reduce the moral act to something beyond morality, including ethics, understood as the universal code of normative rules or the body of knowledge about morality. According to this approach, ethics is assessed as what limits unlimited and rationalizes the non-rationalized. Ethics is closely connected with society, whose institutions performs a similar with modern ethics function, but is directed not at theoretical knowledge, but at practical action. It does not mean that Bauman rejects ethics and society, on the contrary, he recognizes their crucial significance because they are capable, both to create the conditions for a moral act as well as to distort it. Bauman upholds the primacy of morality over gnoseology, society and ontology. His criticism of universalism is connected with the protection of the idea of the autonomy of morality in the modern society inclined to totalitarianism. At the same time, Bauman formulates the idea of the universal morality and defends it in the context of the liquid version of modernity. He urges not only the jettisoning of xenophobia and agree to live with the Other, but to build lives around responsibility for the Other or "Being for the Other". Bauman's reflections on the situation with migrants and refugees in today's world and the call for the responsibility for them closely link Bauman's thought with everyday life.

Keywords: Zygmunt Bauman, ethics, morality, universalism, universal morality, globalization, responsibility for the Other, refugees

Список литературы / References

Bauman, Z. *Community. Seeking Safety in an Insecure World*. Cambridge: Polity Press, 2001. 159 pp.

Bauman, Z. *Does Ethics Have a Chance in the World of Consumers?* Cambridge: Harvard UP, 2009. 272 pp.

⁵⁷ Bauman Z. Postmodernity and its Discontents. P. 64.

- Bauman, Z. "Ethics of Individuals", *The Canadian Journal of Sociology*, 2000, Vol. 25, No. 1, pp. 83–96.
- Bauman, Z. "From Bystander to Actor", *Journal of Human Rights*, 2003, Vol. 10, No. 2, pp. 137–151.
- Bauman, Z. *Globalization. The Human Consequences*. Cambridge: Polity Press, 1998. vi + 136 pp.
- Bauman, Z. *In search of Politics*. Cambridge: Polity Press, 1999. viii + 212 pp.
- Bauman, Z. "Migration and Identities", *Philosophy and Social Criticism*, 2011, Vol. 37, No. 4, pp. 425–435.
- Bauman, Z. *Modernity and the Holocaust*. Cambridge: Polity Press, 1989. xviii + 256 pp.
- Bauman, Z. "Morality without Ethics", *Theory, Culture & Society*, 1994, Vol. 11, pp. 1–34.
- Bauman, Z. *Mortality, Immortality and Other Life Strategies*. Cambridge: Polity Press, 1992. 216 pp.
- Bauman, Z. "On Universal Morality and the Morality of Universalism", *European Journal of Development Research*, 1998, Vol. 10, No. 2, pp. 7–18.
- Bauman, Z. *Postmodern Ethics*. Malden, Oxford, Victoria: Blackwell Publishing, 1993. 262 pp.
- Bauman, Z. *Postmodernity and its Discontents*. Cambridge: Polity Press, 1997. 232 pp.
- Bauman, Z. "Special Essay. Am I My Brother's Keeper?", *European Journal of Social Work*, 2000, Vol. 3, No. 1, pp. 5–11.
- Bauman, Z. *Strangers at Our Door*. Cambridge: Polity Press, 2016. viii + 126 pp.
- Bauman, Z. "Strangers: The Social Construction of Universality and Particularity", *Telos*, 1988, No. 78, pp. 7–42.
- Bauman, Z. *The Art of Life*. Cambridge: Polity Press, 2008. vi + 142 pp.
- Bauman, Z. "The Social Manipulation of Morality: Moralizing Actors, Adiaphorizing Action", *Theory, Culture & Society*, 1991, Vol. 8, pp. 137–151.
- Bauman, Z. *This is not a Diary*. Cambridge: Polity Press, 2012. vi + 200 pp.
- Bauman, Z., Donskis, L. *Moral Blindness. The Loss of Sensitivity in Liquid Modernity*. Cambridge: Polity Press, 2013. 218 pp.
- Bauman, Z., Chouliaraki, L., Horvat, K.V. "On the future of the moral subject: A dialogue between Zygmunt Bauman and Lillie Chouliaraki", *Anthropological Notebooks*, 2017, Vol. 23, No. 1, pp. 129–140.